

Михаил Степанович Иванов — человек, не нуждающийся в рекомендации в кругах студентов и преподавателей Московских Духовных школ. Проректор по учебной работе — ключевая фигура в вопросах духовного образования, о реформе которого так много говорят в последнее время. Взоры общественности сейчас с надеждой обращены к Православной Церкви, и люди хотят видеть ее служителей образованными пастырями, способными ответить на те сложнейшие вопросы, перед которыми поставлено современное общество. Но и будущих пастырей сейчас волнует то, каков будет процесс их обучения, каким будет уровень их образования, какие направления нужно выбирать в качестве приоритетных? — Эти и многие другие вопросы мы адресуем сегодня доктору богословия, профессору МДА М. С. Иванову.

Сделать студенческое познание плодотворным...

— *Михаил Степанович, произошли ли какие-нибудь существенные изменения в учебном процессе с тех пор, как Вы сами были студентом?*

— Такие изменения, как я считаю, стали происходить в последнее десятилетие, по мере отхода нашего государства от атеистической идеологии и уменьшения государственного давления на Русскую Церковь и ее учебные заведения. В этот период в Московских Духовных школах началось преподавание новых учебных дисциплин, ввести которые в прежнее время было практически невозможно. На преподавательскую работу школы стали приглашать специалистов в различных областях знаний: философов, историков, филологов. Повысился уровень преподавания. В Духовные школы в этот период могли уже беспрепятственно поступать лица, имеющие высшее светское образование. Все это благотворно сказывалось на учебном процессе: стали возрождаться богословские дискуссии, совместные обсуждения вопросов учебного и научного характера, повысился интерес студентов к духовному наследию, к истории Церкви, к современной церковной жизни.

— *Как Вы считаете, в чем разница подхода к образованию с точки зрения студента и проректора по учебной работе?*

— Разный подход к образованию, с моей точки зрения, в значительной мере определяется задачами и целями, какие ставит перед студентом и проректором Духовных школ. Главное для студента — усвоить преподаваемые ему знания, причем так, чтобы они стали для него жизненным началом в его церковном служении и христианском свидетельстве. Поэтому студенческий подход к образованию носит в основном духовно-познавательный характер. Главная же проблема, с которой сталкивается проректор по учебной работе, это проблема качества духовного образования. Сделать студенческое познание плодотворным — вот одна из основных задач, стоящих перед тем, кто несет ответственность за учебный процесс. Поэтому проректор подходит к образованию с точки зрения его уровня,

методики преподавания, объема и характера преподаваемого материала. Правда, когда студент пытается определить качество образования, он рассматривает его с тех же позиций. Однако выводы, которые делает студент в таких случаях, хотя и должны быть принимаемы

во внимание и непременно учитываться в учебной работе, не всегда могут совпадать с выводами проректора, так как студент только получает образование, но не участвует в решении связанных с ним проблем.

— *Когда Вы стали заведующим Учебной частью и непосредственно столкнулись с проблемами, возникающими в ходе учебного процесса, чему Вы сочли нужным уделить особое внимание?*

— Многие трудности, с которыми мне пришлось столкнуться в работе, были порождены недостаточно высоким уровнем духовного образования, что объяснялось целым рядом объективных причин и, главным образом, царившей в то время в нашей стране идеологической монополией. Когда засилье чиновников, контролировавших все сферы церковной жизни, стало ослабевать, в Духовных школах начался поиск путей совершенствования богословского образования. Мною в это время овладело глубокое убеждение в том, что начинать этот поиск следует с тщательного и всестороннего изучения богатых традиций дореволюционных церковных учебных заведений. Меня как проректора, естественно, привлекали прежде всего уставы Духовных школ, знакомство с которыми до сих пор помогает мне в работе. Наряду с изучением традиций нужно было, как мне представлялось тогда, безотлагательно менять методику преподавания, которое нередко велось скучно и не вызвало живого интереса у студентов — это порождало у них равнодушие как к богословским проблемам, так и к проблемам современной церковной жизни. Сегодня мое внимание в первую очередь привлекают задачи, связанные с предстоящей реорганизацией системы духовного образования в Русской Православной Церкви.

— *В настоящее время много говорят о предстоящей реформе духовного образования, в чем Вы видите приоритетные направления в реорганизации Духовных школ?*

— Приоритеты в реорганизации Духовных учебных заведений в значительной мере определяет современная церковная и общественная жизнь России. Исключительную актуальность в этой жизни приобретают проблемы духовного образования и воспитания. Мы переживаем сейчас тяжелейший духовный кризис, вызванный десятилетиями атеистической пропаганды, а также усугубляемый современными духовными суррогатами, со всех концов хлынувшими в нашу страну. Духовным школам нужно срочно готовить миссионеров, катехизаторов, христианских педагогов и воспитателей. Что же касается пастырей и богословов, традиционно выпускаемых нашими Духовными школами, то и их обучение должно претерпеть существенные изменения. Ушло то время, когда священник оставался “на задворках” жизни и ограничивался одним лишь богослужением. Лицом к лицу он встречается сегодня с человеком, с его запросами, исканиями и проблемами.

Для богословия также наступили другие времена, и оно уже не может замыкаться в стенах двух-трех Духовных школ или же в рамках “Богословских Трудов” и “Журнала Московской Патриархии”.

Поэтому в новой концепции духовного образования приоритетными задачами должны стать: существенное повышение уровня образования и актуализация образования.

— *Сейчас ставится вопрос о введении специализации в высшем богословском образовании, о создании факультетов или учебных групп, занимающихся разработкой определенной темы. Каково Ваше отношение к этой идее?*

— Полагаю, что сегодня специализация крайне необходима ввиду острого дефицита преподавательских кадров и незначительного количества специалистов в различных областях богословской науки. Высказывая это мнение, я не забываю о полемике, которая велась в дореволюционных Духовных школах между сторонниками и противниками богословской специализации. Последние, как известно, опасались того, что узкая специализация нанесет ущерб общему богословскому образованию студентов. Как показывают теоретические разработки, связанные с современной реорганизацией системы духовного образования, эти опасения не остались без внимания. Они учтены в новой образовательной концепции, согласно которой общее духовное образование Семинарии претерпевает принципиальные изменения и становится фундаментальным. Специализация же начинается с 1-го курса Академии и продолжается для одних студентов три года, а для других — пять лет.

— *Известно, что определяющее значение для развития науки имеет преемственность научных традиций. Вы еще застали в Академии старых профессоров, вышедших из дореволюционной школы, и нынешнее поколение профессоров — это их преемники. Но многих сейчас волнует вопрос, кто придет на смену нынешним профессорам Академии?*

— Этот вопрос волнует и меня. И не столько потому, что происходит смена поколений, что является естественным и закономерным процессом, совершающимся в роде человеческом. Я часто задумываюсь над тем, сохранится ли в новом поколении преемственность традиций богословских школ, причем традиций не только научных, которых касается обращенный ко мне вопрос, но и духовных, ибо для развития богословской науки последние имеют не меньшее значение, чем первые. Возникающие во время таких размышлений сомнения, как мне представляется, не беспочвенны. Дело в том, что традиции дореволюционной школы при всей их устойчивости и жизненности не могут не испытывать на себе отрицательного воздействия негативных процессов, происходящих в нашем обществе. Эти традиции как бы превратились в наше время в небольшой остров, находящийся посреди океана забвения обществом своих духовных, исторических и культурных корней и утраты своего бесценного национального наследия. Каким будет воспитанное в таком обществе новое поколение, грядущее на смену нынешним труженикам Духовных школ? И можно ли вообще называть его воспитанным, если за годы коммунистического эксперимента утеряны подлинные традиции семейного, школьного, общественного воспитания? Наше поколение, также испытавшее “блага” этого эксперимента, оказалось все же в более выгодном положении, так как оно воспитывалось в те годы, когда семейные устои были значительно крепче, чем теперь, и когда христианские ценности, несмотря на преследования Церкви, все еще сохранялись в сердцах многих людей.

— *В чем Вы видите разницу в подходах к учебному процессу в духовном и светском учебном заведении?*

— Эта разница определяется различием целей духовного и светского образования. Как известно, главная цель Духовной школы — не багаж знаний, к чему школа светская стремится в первую очередь, а воспитание православного христианина. В соответствии с этим ведущая роль в учебном процессе Духовной школы принадлежит воспитанию. И не только воспитатели или наставники должны принимать участие в воспитательном процессе. Сам учебный материал, если он должным образом преподан и правильно усвоен, оказывает на студентов духовное воздействие. Воспитание нового человека немислимо без Божественной помощи. Поэтому в учебном процессе Духовной школы, в отличие от школы светской, всегда присутствует молитва, совершаемая преподавателями и студентами в учебных аудиториях, в храме, дома и в других местах.

Процесс обучения в Духовной школе учитывает также нравственную атмосферу в студенческой среде и отношения между преподавателями и студентами, поскольку они оказывают существенное влияние на обучение и воспитание студентов.

— *Известно, что научный потенциал высшей школы определяется уровнем научных работ. Мы помним, что в 1870 году, когда была разрешена открытая защита магистерских диссертаций, это дало сильный импульс к развитию богословской мысли. Как вы относитесь к идее возрождения этой традиции?*

— В Духовных Академиях, возрожденных в послевоенные годы, все магистерские диссертации и большинство диссертаций докторских защищались публично. Дни защиты многими из нас переживались как праздники богословской науки. Мы радовались не только тому, что в суровых условиях академического бытия богословская мысль все же пробивала себе дорогу, но и тому, что Академии, несмотря на все чинимые ей идеологические препоны, удавалось проводить открытые научно-богословские диспуты, стимулировавшие ее научную и учебную работу.

Само собой разумеется, публичная защита диссертаций должна возродиться и сегодня.

— *Как никому другому Вам известно, что одной из самых насущных проблем в духовном образовании является нехватка современных учебных пособий. Как правило, их отсутствие оправдывают недостатком денежных средств. Но только ли в этом проблема?*

— Конечно, не только и даже не столько в этом. Хорошие учебники просто некому писать. Это не значит, что нет талантливых авторов. Они есть, хотя их и немного. Однако в силу того, что перед Русской Церковью стоит сейчас бесчисленное множество проблем и задач, требующих незамедлительного решения, они вынуждены совмещать свою преподавательскую работу в Духовных школах с различными видами церковного служения. Так что времени на написание учебников у них не остается. Не хочу прослыть пессимистом, однако замечу, что эту проблему, как мне кажется, нам не удастся решить еще долгое время.

— *Уже не одно поколение выпускников Академии помнит Вас как одного из самых опытных и авторитетных профессоров и как серьезного и ответственного администратора. Но редко кому из студентов доводилось видеть Вас в неофициальной обстановке. Не могли бы Вы немного рассказать о Ваших личных интересах и о том, что волнует Вас помимо Ваших служебных обязанностей?*

— “Вопрос, конечно, интересный”, — не без юмора говорят сегодня в таких случаях. Однако на этот “интересный” вопрос ответить мне непросто. Дело в том, что почти вся моя жизнь: и личная, и академическая, и церковная, проходит в одном и том же месте — в Троице-Сергиевой Лавре. Так что порой бывает даже трудно определить, когда одна жизнь сменяется другой. Например, когда я нахожусь дома и обсуждаю учебные вопросы по телефону или с пришедшим ко мне студентом, или же в Академии, пью чай в профессорской и беседую с “официальными” людьми (со своими коллегами, с членами делегаций или с другими гостями), но, между прочим, веду разговор, “о погоде и о природе”, я затрудняюсь определить, в какой обстановке в таких случаях я нахожусь — в официальной или в неофициальной. Кстати — о природе, поскольку в вопросе есть упоминание о моих личных интересах. Меня не покидает убеждение в том, что человек, изолировавший себя от живой природы, не может развиваться всесторонне и гармонично. Природу я очень люблю, особенно смешанный лес, куда я часто ходил в школьные годы и даже жил там во время лесного сенокоса. Сейчас, к большому сожалению, попасть на лоно природы становится все сложнее. Приходится довольствоваться лаврским “оазисом”.

Что волнует меня помимо моих служебных обязанностей? — Прежде всего, моя духовная жизнь. Ну и, конечно же, жизнь нашего народа, на долю которого выпали в последние десятилетия тяжелые испытания.

Поскольку и моя жизнь, и жизнь подавляющего большинства современных христиан проходит в миру, я иногда задумываюсь над тем, какими принципами и нормами следует руководствоваться в этой жизни и как применять к ней те аскетические правила и требования, которые были выработаны христианскими подвижниками. В связи с этим не могу не вспомнить глубоко запавшие в мою душу еще в студенческие годы слова двух великих святителей Христовой Церкви: Иоанна Златоуста и Григория Богослова. “Всем людям, — пишет святитель Иоанн, — должно восходить на одну и ту же высоту. То именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно. Нет, нет; от всех нас требуется, говорит он (апостол Павел. — М.И.), одинаковое любомудрие: это весьма хотел бы я внушить; или — лучше — не я, но Сам Тот, Кто будет судить нас”. А святитель Григорий Богослов замечает: “Любомудрие состоит не в угрюмости, но в твердости души, в чистоте ума и в искренней наклонности к добру. А при этом можно иметь и наружность какую угодно и обращение с кем угодно и оставаться одному с самим собою, укрывая ум от чувств, и жить в кругу людей и знакомых, уединяясь в самом обществе, любомудрствуя среди нелюбомудрых”.